

Александр Баранников

ДУХОВНАЯ (ПЕРСОНАЛЬНАЯ) ДЕПРИВАЦИЯ: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ, ПОСЛЕДСТВИЯ, ОСОБЕННОСТИ ДИАГНОСТИКИ И ПОМОЩИ

Аннотация. Понятие депривации отражает недополучение ребенком или взрослым человеком необходимых для развития и жизни условий. Современный экзистенциальный анализ обращает внимание на значение духовного измерения человека. Феноменологические наблюдения и антропологические разработки этого направления позволяют сформировать определенную позицию и собственные подходы к изучению проблемы духовной депривации. В работе исследуется феноменологическая картина переживания при духовной депривации, дается ее определение, рассматриваются ее последствия и особенности помощи.

Ключевые слова: духовность, депривация, экзистенциальная психотерапия, воспитание.

Abstract. The concept of the deprivation reflects short-reception by the child or the adult person of requirements necessary for development and life. The modern existential analysis pays attention to value of spiritual measuring of the person. Phenomenological observations and anthropological development of this direction allow to generation of the certain position and natural approaches to studying a problem of spiritual deprivation. In operation the phenomenological pattern of experience is explored at spiritual deprivation. Author attempts to define it. It's consequences and feature of the help are considered.

Keywords: spirituality, deprivation, existential psychotherapy, education.

Депривация
блокирует
физическое
и психическое
развитие

Deprivation (*англ.*) означает лишение, утрату. (*Privare* (*лат.*) – отделять. *De* (*лат.*) – усиление, движение вниз.)

История этого понятия связана с историей наблюдений за детьми, лишившимися родителей и помещенными в закрытые детские учреждения. Его распространение связывают с наблюдениями Джона Боулби [1], описывавшего последствия сепарации у детей и подростков, помещенных в приют и лишившихся родителей в годы Второй мировой войны. В дальнейшем этот термин стал применяться более широко в связи с рассмотрением различными исследователями большого количества вариантов недополучения необходимых для психического и физического развития условий. В зависимости от того, какие условия недополучены

и какие индивидуальные качества и способности не получают развития, выделяют различные формы депривации: сенсорную, моторную, физическую, психическую, психосоциальную и др.

Известны исследования в этой области И. Лангмейера и Э. Матейчека [2], М. Монтессори [3], R. Spits [4] и др.

В России значительный вклад в исследование этой проблемы внесли: Н. М. Шелованов [5], Л. И. Божович [6], Л. С. Выготский [7], В. С. Мухина [8], М. А. Чупрова [9], А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых [10] и мн. др.

Это понятие используется сегодня в психологии, психофизиологии и педагогике для обозначения условий жизни, в которых человек не может реализовать свои естественные потребности. Оно широко используется в научных исследованиях, а также в практической работе педагогов, психологов, социальных работников. Особое значение оно имеет для психологии развития и специальной психологии, изучающей особенности развития ребенка с дефицитом и дефектом индивидуальных способностей в телесно-психической сфере.

Мы можем привести различные определения депривации, в которых отражается ее понимание различными исследователями:

«Опыт недополучения необходимого» (Ч. Райкрофт [11]); «Недостаточное удовлетворение каких-либо потребностей» (В. В. Блейхер, И. В. Крук [12]); «Лишение или ограничение возможностей удовлетворения жизненно важных потребностей» (И. А. Фурманов, Н. В. Фурманова [13]) и др.

Различные направления практической психологии и психотерапии по-своему определяют последствия родительской депривации [14]:

З. Фрейд	Фиксация на оральной стадии психосексуального развития
Э. Эриксон	Недостаточное развитие базисного доверия
Г. Салливан	Торможение развития у ребенка способности к свободному от тревоги обмену нежностью и интимностью с другими людьми
Б. Скиннер	Замедление приобретения навыков из-за отсутствия подкрепления
А. Бэк	Приобретение дисфункциональных схем и схем «Я», в которых отношения представлены как не заслуживающие доверия и лишённые любви.

Современный экзистенциальный анализ ставит вопрос о духовном развитии личности

Антропология современного экзистенциального анализа* рассматривает человека, как решающего три клубка задач, соответствующих трем измерениям его бытия (телесному, психическому и духовному). Она нацелена на раскрытие прежде всего духовных ресурсов личности. В ней духовное измерение человека приобретает более всеобъемлющий характер, чем психические способности и телесные функции. В связи с этим приобретает важную роль вопрос о духовном развитии личности. Стремление стать духовной личностью рассматривается в современном экзистенциальном анализе, как присущее человеку фундаментальное условие его жизни, которое реализуется через Встречу и Диалог, мобилизующие его духовную сущность. Это происходит благодаря ответам на повседневные и фундаментальные вопросы, приводящие человека к экзистенции (экзистенциальный поворот) [15].

Актуальность проблемы депривации для широкого круга специалистов, важное значение, которое имеет для жизни человека духовное измерение и те возможности, которые предоставляет сегодня современный экзистенциальный анализ для его исследования и развития предопределили постановку цели и задач настоящего исследования.

Проблема духовной депривации с позиции современного экзистенциального анализа

Целью настоящей работы было освещение с помощью концепции современного экзистенциального анализа проблемы духовной депривации.

Задачи исследования:

1 – раскрыть феноменологическую картину духовной депривации;

2 – определить характер последствий духовной депривации;

3 – рассмотреть общие принципы помощи при духовной депривации и ее последствиях.

У этой темы большой масштаб и большая многоплановость. Они соответствуют 6–7 годам обучения в школе А. Лэнгле. Он дает развернутый ответ на вопросы развития и блокад развития духовного измерения человека, который соответствует его комплексной и многоплановой природе.

Задача настоящего исследования является более скромной. Это необходимость расставить некоторые акценты, придать им определенную структуру, чтобы

* Под концепцией современного экзистенциального анализа мы понимаем его антропологию и методологию в том виде, в каком их развил и сформировал А. Лэнгле в 80-е и 90-е годы XX века.

получить дополнительные теоретические и практические перспективы.

Поводом к написанию этой работы стали собственные феноменологические впечатления в связи с пациентами, в связи с концепцией современного экзистенциального анализа, семинарами А. Лэнгле. Эта тема, как мне кажется, является важной для России. Но меня она задевает также и лично в связи с собственным жизненным опытом и опытом моих близких.

Масштабность и комплексность рассматриваемой проблемы заставляет и в понятиях, и в определениях видеть разные планы, ракурсы. И это, с моей точки зрения, соответствует ее сущности.

Основными методами, используемыми в данной работе, были феноменологические и теоретические антропологические исследования.

Феноменологическое изучение клиентов и пациентов различных возрастных групп, основанное на антропологии современного экзистенциального анализа, показывает, что многие из них пережили или переживают особую форму лишения, особую форму депривации. Они были лишены Встречи с духовной личностью других людей на своем жизненном пути. Иногда это были близкие родственники, иногда – жестокие сверстники и одноклассники, иногда духовная депривация происходила из-за социальных условий. Я хотел бы привести два примера, иллюстрирующих вышесказанное.

Особая форма депривации – духовная

Примеры духовной депривации

Примеры

Пример 1. К., мужчина, 55 лет. Успешно работает на ответственной должности. Имеет жену, сына 28 лет. Последние годы обращен к религии, интересуется творчеством Л. Толстого. Имеет также намерение полностью посвятить себя религии.

Обратился с проблемой, заключающейся в трагических для него обстоятельствах жизни, вызывающих многолетнее страдание. Эти обстоятельства были связаны с его отношениями с отцом, вернее, с неразвитостью этих отношений, поскольку они никогда не общались.

У матери с отцом было кратковременное знакомство, после которого он ушел в армию. Уже без него родился К. В последующем отец вернулся в поселок, где жил К., которому было уже 10 лет. Он привез с собой жену и двоих сыновей. Отец работал водителем автобуса, который возил детей каждое утро в школу. Мальчик знал, что это его отец, а отец знал, что это был его сын. Ребенок очень хотел пообщаться с отцом, но не решался сделать первый шаг. Отец демонстрировал равнодушие и вел себя так, будто бы не знает ребенка, избегал встречи с ним глазами. Эта

ситуация повторялась ежедневно в течение многих лет и вызывала у мальчика страдание. Иногда он плакал, чувствовал себя обиженным. Он не мог понять, почему так происходит. С мамой были очень хорошие, теплые отношения. Но и она не могла объяснить такое поведение отца. Он был неприветливым, закрытым человеком и периодически злоупотреблял алкоголем.

К. часто мечтал о Встрече с отцом, представлял себе, как они проводят время вместе. Когда умерла мать, К. надеялся, что, наконец, увидится с отцом на ее похоронах. Оба его брата (по отцу) подходили к нему и выражали свое соболезнование. Он знал также, что отец где-то рядом, искал его глазами. Но тот так и не подошел к сыну. Это вызвало у К. еще большую обиду и горечь. Отец умер за несколько лет до нашей встречи. К. не был на его похоронах. В этот период он уже жил в другом городе и узнал о случившемся через некоторое время. Когда К. рассказывал эту историю, его лицо искажало страдание. Он тяжело вздыхал и говорил, что не может понять отца.

О нем самом было известно, что своей личной жизнью он не был удовлетворен. Он не мог в течение многих лет принять окончательного решения в пользу жизни с женой, от которой у него был сын и другой женщиной, к которой испытывал более нежные чувства. Периодически он переезжал от одной к другой. Этот выбор давался ему очень нелегко. Его это очень смущало, поскольку он всегда хотел быть нравственным человеком. На него сильное впечатление производили нравственные поиски собственного предназначения и внутреннего «духовного стержня» у Л. Толстого.

Наше общение происходило в рамках четырехдневного тренинга. Индивидуальная беседа состоялась после окончания основного времени тренинга, когда К. обратился с просьбой помочь справиться с переживаниями и понять поведение отца. Это произошло в тот день, когда мы в составе группы побывали с экскурсией в Ясной Поляне и посетили могилу Л. Толстого. Тогда он и рассказал историю своих отношений с отцом.

После рассказа я предложил разыграть встречу с отцом так, как они могли бы увидеться единственный и последний раз в жизни. Себя я предложил на роль отца. Ему было предложено задать отцу все накопившиеся вопросы и попытаться прояснить отношения. Разговор был очень нелегким и для К., и для меня. Он продолжался в течение двух часов.

Вначале К. спросил, почему я бросил их с матерью. Когда я ответил, что, к сожалению, я не любил его мать, у К. на глазах появились слезы. Некоторое время он молчал. Потом он сказал: «Я все понял. Я тоже не сохраняю верность тому, кого не люблю...» Играя роль отца, я сообщил, что не находил сил, для того чтобы поговорить с ним раньше, не мог признаться себе в чувствах к сыну. Я спросил его: «Есть ли у тебя чувства ко мне?» В ответ он зарыдал. К. высказал свои обиды на отца, которые накопились за многие годы. У него появилась возможность отреагировать обиды и взглянуть на отца, как на человека, имеющего

Невозможность
персональной
Встречи
со значимым
Другим

свои собственные проблемы. Одновременно он смог сказать и о своей любви к нему. К концу беседы К. стал спокойнее, поблагодарил меня и сказал, что ему стало намного легче. Когда мы увиделись на тренинге на следующий день, К. подтвердил, что после проведенной беседы груз тяжелых переживаний значительно уменьшился.

Из описаний этого случая видно, что К. испытывал в течение многих лет комплексные переживания, обусловленные невозможностью персональной Встречи со значимым для него человеком. Они включали в себя обиду, неразделенную любовь, одиночество, отвержение и брошенность. К. переживал фрустрацию и травматизацию, вызывавшие страдание и боль. К. переживал также боль «не-становления», обусловленную невозможностью встретить себя самого, как духовную личность, как духовную уникальность. Эти страдания сопровождались мучительным поиском своего духовного «Я» и привели во второй половине жизни к увлечению религией. В диагностическом аспекте мы можем говорить о перенесенном «посттравматическом стрессовом расстройстве» и нерезко выраженных «стойких изменениях личности, не связанных с повреждением или заболеванием головного мозга» [16].

Выраженность страдания, собственные антропологические предпосылки (включая наследственность), внешние условия (биография в аспекте возможности Встречи и наличия источников духовного развития) могут приводить и к иным последствиям.

Пример 2. В качестве примера может быть приведена также работа с пациентом М. 28 лет. Он женат, имеет сына 8 лет, нигде не работает в течение 1 года.

М. обратился с жалобами на паникообразные страхи, которые возникали в автомобильных пробках. Из-за присоединившихся вторичных страхов и поведения избегания он был лишен возможности передвигаться на автомобиле и не мог работать, так как работа требовала пребывания за рулем. Эти жалобы находились в некотором диссонансе с атлетическим телосложением, множественными татуировками и дерзким взглядом. Терапевтические отношения складывались непросто. Чувствовалось, что само обращение к специалисту и признание своей слабости давались М. нелегко. Этот вопрос был предметом нашего обсуждения на некоторых сессиях, и пациент мог получить понимание своего случая. При появлении паникоподобных страхов у М. возникали раздражение и недовольство проявлениями собственной слабости, доходившие до «бешенства». Из-за этих реакций он не мог использовать парадоксальную интенцию, брюшное дыхание и находить опору в себе. В связи с этим наше общение буксовало, и была необходима более глубокая биографическая работа.

М. рассказал, что отец оставил семью, когда ему было мало лет. Он воспитывался матерью, хотя всегда хотел иметь отца. В беседах часто рассказывал, как еще маленьким находился дома один, испытывал одиночество и ждал мать, которая много работала. Среди сверстников он выделялся хорошими физическими способностями – ростом и силой. Это давало ему преимущества. В уличной компании он быстро приобрел благодаря этому авторитет, легко ввязывался в драки и, как правило, выходил из них победителем. В отношениях с друзьями никогда не было тепла и привязанности. Ему запомнились ситуации, когда во время драк друзья бросали его одного. После этого он получал многочисленные травмы. После одного подобного случая он получил серьезную черепно-мозговую травму, попал в реанимацию и чудом остался жив. Рассказывая об этом, он страдал и испытывал душевную боль. С годами нарастали ожесточение, чувство невозможности справедливости, обида на людей и на жизнь. Агрессивность М. росла и стала носить неуправляемый характер. Он занимался рэкетом и бизнесом, возил с собой оружие. В случае если кто-то или что-то не нравилось на улице, он мог остановиться, выйти из машины и «дать в морду». Злить его боялись. Опасалась связываться с ним, зная его агрессивность, импульсивность и непредсказуемость, даже милиция. При этом ему всегда хотелось теплых и надежных отношений. Он их искал во встречах с девушками. Но в этом также «не везло». Однажды он решил повести жену в ресторан. Поскольку не было на это денег, избил первого попавшегося на улице прохожего и отобрал деньги. Когда расплачивался за ужин с женой в ресторане, достал из кармана деньги, которые были в крови. Жена негативно на это отреагировала. Но он с возмущением рассказал мне эту историю, иллюстрируя плохое отношение к нему со стороны жены. Несмотря на это он отмечал, что в первый год жизни с женой были теплые взаимные чувства. Особенно его радовало рождение ребенка. Однако в последующем жена «стала плевать на него», ребенок рассматривал его только как источник подарков. Из жизни снова ушло тепло. Она опять стала пустой и формальной. В душе нарастали боль и страдание. М. производил впечатление одинокого волка, который из-за боли и страдания вынужден был отказаться от хорошей жизни и собственной сущности. Необходимость сидеть дома из-за страхов его бесила. Он это демонстрировал всем своим видом.

Моя способность увидеть его одиноким, непризнанным, страдающим, несправедливо обиженным сыграла важную роль в установлении терапевтических отношений. Периодически он рассказывал шокирующие истории о своем аперсональном поведении и аперсональном обхождении с ним близких, которые не ценили его. Постепенно наши отношения стали более глубокими. М. старался быть пунктуальным. Он переживал, если опаздывал на сессию. При этом он обычно звонил и извинялся, если оказывался в пробке. Хотя поездки из-за страхов были для него вначале нагрузкой, он старался

их не пропускать. Мне трудно было без возмущения выслушивать его рассказы об агрессивном поведении. Мои оценки были ясными, но сдержанными и осторожными. Тем временем постепенно у меня сложилось к нему отеческое отношение. Я ждал наших встреч. Они доставляли мне все большую радость. Также и в нем я чувствовал большую потребность в этих встречах. Часто наше общение носило характер персонального диалога без специальной техники. Я встречал его как духовную личность, как Персону, всерьез воспринимая его повседневные проблемы. Постепенно наша работа со страхами стала более эффективной. Паника возникала все реже и становилась менее выраженной. М. достаточно свободно ездил на машине, занялся любимым делом – ремонтом иномарок. Для «крутых» машин он заказывал запчасти в США. Значительное продвижение произошло в отношениях с сыном. Но самых больших успехов мы достигли в отношениях его с самим собой. Когда он говорил о себе, у него периодически появлялись слезы. За время нашего общения (около 1,5 лет) М. не совершил ни одного насильственного действия, не участвовал в драках (хотя иногда с трудом себя сдерживал). Мы смогли работать над его переживаниями, совместно искали чувства и близость в общении, готовились к трудным объяснениям с женой и другими родственниками. Я не читал ему мораль, но чувствовал, что происходила динамика его нравственных установок. Похоже, ему было нелегко полностью сменить привычки и правила поведения. Но все же он открывал себя как духовную личность, давал себе настоящему больше принятия, любви и признания и продвигался в этом небольшими шажками. Поскольку острота переживания проблем снизилась, мы постепенно подошли к расставанию без прощания с условием, что он всегда может ко мне обратиться.

Позиция отказа от персональности, блокирующая духовное развитие

Приведенный случай также отражает возможные последствия духовной депривации. Его особенностью было то, что у пациента сформировалась позиция отказа от персональности, блокирующая его духовное развитие. У него были отчетливо выражены черты пограничной и антисоциальной личности с нарциссическими добавками и паникообразными страхами. Отвержение, которое пережил М., привело к отвержению им самого себя. В данном случае речь шла о перенесенной в результате духовной депривации травме и последующем аперсональном (не вносящем свою сущность в свою жизнь) формировании личности. Мы используем здесь понятие «формирование личности», чтобы отличать его от используемого клиницистами понятия «развитие личности». Ведь в данном случае речь идет, скорее, о неразвитии, нераскрытии с утратой доступа к духовно-этическому ядру личности и обусловленным этим аперсональным поведением. Этот пример демонстрирует более

глубокое по сравнению с предыдущим случаем расстройство, являющееся следствием духовной депривации с более выраженной блокадой переживания.

В подобных случаях чаще можно найти примеры неудачной терапии. Однако приведенный пример является достаточно показательным и как особый результат духовной депривации, и как случай, позволяющий увидеть особенности терапевтической работы. Терапия прошла через формирование терапевтических отношений, раскрытие чувств, депрессивность в занятии позиции в отношении неэтичного обхождения с собой и с другими.

Последствия
духовной
депривации –
не достижение своей
духовной сущности

В приведенных примерах мы можем обратить внимание на то, что *определенная форма лишения привела к утрате (либо недостижению) своей духовной сущности*. Если в первом случае отмечалось компенсаторное и гиперкомпенсаторное духовное развитие личности, то во втором отмечались его блокада и формирование личности в основном за счет психических структур «Я».

Попробуем, основываясь на собственном опыте феноменологических наблюдений, описать характер переживания, возникающего, когда ребенок, а затем уже и взрослый человек пережил или переживает духовную депривацию. Наш опыт свидетельствует о том, что, несмотря на возможные различия в рамках различных личностных структур (с появлением специальных тем и механизмов ретравматизации), основное ядро этого переживания, как правило, многократно воспроизводится.

Феноменологическая картина переживания духовной депривации

Примеры духовной депривации и ее последствий хорошо известны из истории, описаний художественной литературы. Ее переживал и Иисус Христос. Однако мы сможем яснее почувствовать это переживание, если обратимся к собственному опыту и опыту дорогих нам близких людей. Как переживается ситуация, в которой мы не получаем принятия, сочувствия и любви, признания от близких и значимых людей?

Духовная
депривация ведет
к переживанию
пустоты,
обделенности,
обиды

В такой ситуации возникает чувство обделенности, пустоты, безжизненности и обиды. Жизнь становится похожей на растительное существование. К этим переживаниям добавляется чувство внутреннего разрушения, если близкие и значимые люди травмируют. Если эта ситуация продолжается долго, раны не заживают. Чувство омертвения внутри нарастает и может напоми-

нать «мертвый, не родившийся плод» на поздних сроках беременности, когда аборт уже делать поздно. В отличие от шизофрении, это не родившееся «свое», а не мертвое «чужое». Это переживание сопровождается повышенной потребностью получения питающей духовной Встречи извне. Оно напоминает страдания путника, который мечется по пустыне и не может найти источник живительной влаги. В связи с этим путник оказывается обреченным на медленную утрату сил, жизни и на мучительную смерть. Так появляется отделение от жизни изнутри и снаружи.

Человек может испытывать недоступность и утрату переживания собственной сущности, которая является одной из самых больших ценностей. Ее ценность сравнима только с сильной любовью, поскольку сила любви и определяется прежде всего тем, что ценность другого человека имеет высокую степень спаянности с собственной сущностью. Они не разделимы. С этим переживанием связана боль «нестановления», боль оттого, что не стал самим собой. Ведь переживание раскрытия собственной духовной сущности позволяет нам пережить собственную неповторимость и уникальность («что я такой, какой есть, важен сам по себе»). В связи с этим понятно недоумение П. Безухова в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»: «Держать в плену меня? Меня – мою бессмертную душу. И небо и звезды – все это мое и все это во мне и все это я! ...» [17].

Непримиримость и страдание вызывают факты уничтожения огромного количества индивидуальностей в гитлеровских газовых камерах и в сталинских лагерях, которые являются преступлением против человечества. Мы можем вспомнить в связи с этим также и судьбу В. Франкла [18]. Но нечто похожее может происходить и в мирное время, в нашей повседневности.

Комплексное переживание, обусловленное депривацией, может приводить к тому, что человек теряет связь (или не устанавливает в аспекте развития) с жизнью, с собой и с окружающим его Миром. Духовная депривация извлекает его из этой связанности. Опустошается внутреннее содержание переживания, уходит «согласие», и речь идет лишь о сохранении внешней формы при внутреннем омертвлении. За такую жизнь приходится платить определенную цену. Так, депривация может вести к утрате потенциала в обхождении с собой и окружающим Миром.

Рис. 1 сделал мальчик 9 лет, который обделен вниманием родителей и воспитывается в неблагополучной

Утрата связи
с миром, жизнью,
собой, будущим

*Рис. 1. «Я и моя жизнь».
Предоставлен педагогом-
психологом З. Великановой*

семье. На нем мы видим дерево, растущее из снега, не имеющее корней и листьев, с грустным выражением. Этот рисунок отражает характер переживания депривированного ребенка. В нем отсутствует питающая почва, отсутствует ощущение жизни. Есть дерево, которое не расцвело, «Я», которое не раскрылось. Лишь далеко в небе есть островок надежды.

Попробуем более подробно рассмотреть комплексное переживание и динамику, развивающую и удерживающую отрицательные последствия духовной депривации. Они представлены на рис. 2.

Динамика переживания, развивающая и удерживающая отрицательные последствия духовной депривации

Психоаналитики представляют следующую динамику как результат депривации [19]: депривация – фрустрация – агрессия – тревога – защита/торможение – симптом.

Попробуем соотнести механизмы формирования переживания при духовной депривации, различные формы динамики (экзистенциальной и психодинамики) с феноменологической картиной переживания (рис. 2).

Нам представляется целесообразным выделить три этапа формирования отрицательных последствий духовной депривации в переживании: запускающее воздействие; саму комплексную динамику; этап формирования структуры.

Под запускающим воздействием мы понимаем то, каким образом депривация оставляет след в переживании того, кто ей подвержен. Эти механизмы описаны педагогами, психологами, психотерапевтами различных школ.

Под простым копированием (первый вариант) мы понимаем ситуации, в которых обхождение родителей воспроизводится ребенком, а затем и взрослым без глубокого задействования переживания. В этих случаях не задействуется психодинамика. В результате этого, депривирующее поведение родителей воспроизводится на фоне более или менее осознаваемых установок (например, «не использовать чувства в отношениях», «не интересоваться тем, чего бы хотел партнер»). В данном случае происходит научение путем подражания на уровне установок и поведения. Выражаясь психоаналитическим языком, мы можем

Этапы формирования отрицательных последствий духовной депривации

Запускающее воздействие – механизм воздействия на переживание

Простое копирование оставляет свой след в переживании без переработки и без защиты

отметить, что в подобных случаях изменения возникают на периферии Эго.

При другом варианте простого копирования разрушающее и деформирующее переживание родителей (например, ужас матери или агрессия отца) входит (интернализуется) без переработки и без защиты в переживание ребенка (хотя и не направлены на него, а вызваны другими обстоятельствами), создавая его аффективный опыт. Этот опыт воспроизводится наряду с защитнопереработанным в последующей жизни.

Психодинамические образцы развития, фрустрация и травматизация формируют глубокий след в переживании

Психодинамические образцы развития также представляют собой более глубокую спайку с переживанием. А. Лэнгле [20] описал четыре образца, формирующие психодинамическую структуру переживания (например: «как обходятся со мной, так и я обхожусь с другими»; «как другие обходятся со мной, так и я обхожусь с собой» и др.). Они описываются и в других направлениях психотерапии (например, поведение типа «преследуемый преследователь» в психоанализе).

Еще одна форма запускающего воздействия – это фрустрация, которая может достигать выраженности травмы (здесь мы бы отметили прямую направленность на ребенка и защитную переработку). Наличие этого механизма при депривации отмечают многие исследователи. При этом они отмечают, что фрустрация представляет собой результат более кратковременного воздействия и входит в более широкое понятие депривации [21].

Комплексная динамика переживания фиксирует отрицательные последствия духовной депривации на различных уровнях

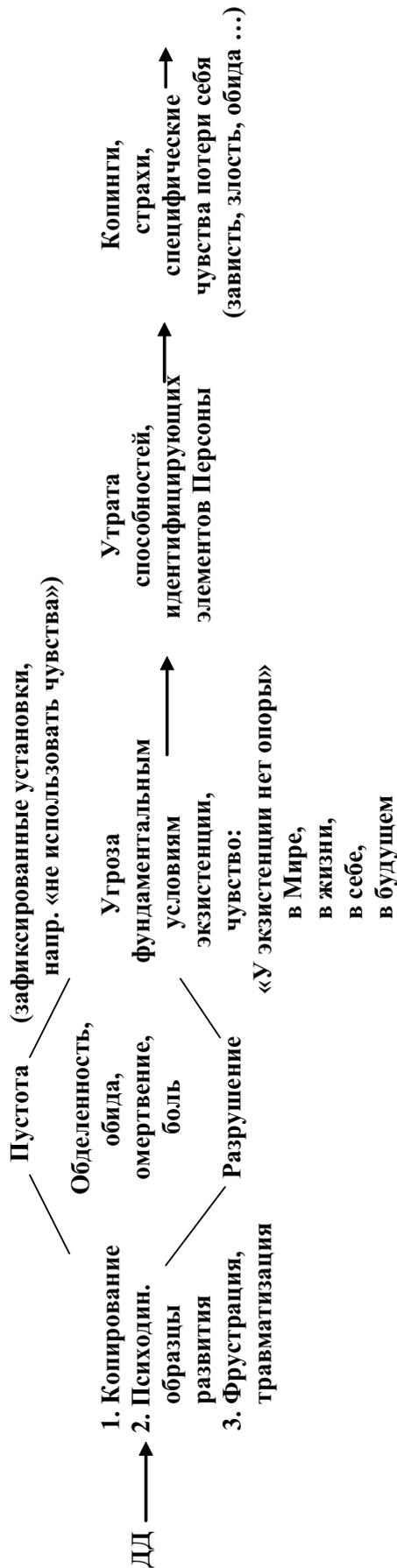
Все эти механизмы, как правило, встречаются в сочетании, переплетении. Они запускают комплексную динамику на различных уровнях: когнитивном, аффективном, копинговом, на уровне экзистенциальных содержаний, поведенческом.

В случаях простого копирования на уровне поведения и установок речь в терапии может идти о работе с неправильными установками (например, «не использовать чувства в отношениях») при сохранности переживания и наличии ресурсов. Но этого, как правило, недостаточно при более глубоких блокадах переживания.

Иногда «пустота» представляет собой внешний фасад переживания, за которым скрывается боль. Чувство «пустоты» может быть обусловлено неразвитостью чувств, но также и параличом переживания, имеющим защитный характер. Это чувство всегда в той или иной степени сопутствует психодинамизации переживания.

Запускающие механизмы

Комплексная динамика переживания

ДД – духовная депривация
Персона – Person, центр духовного измерения

Комплексная динамика переживания

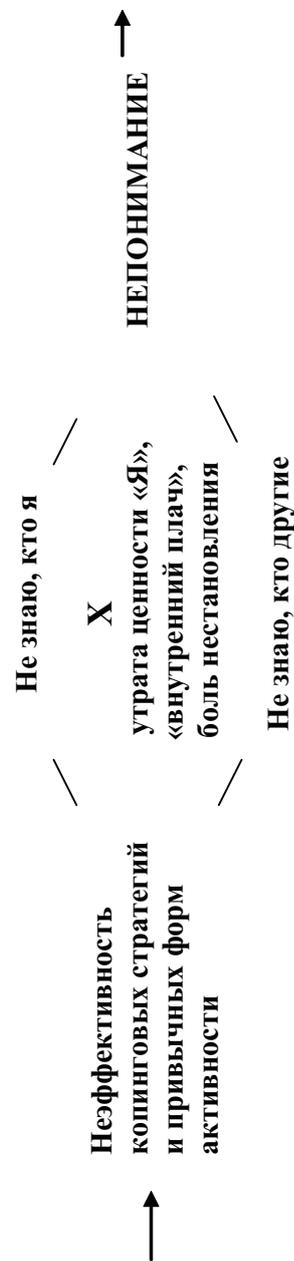
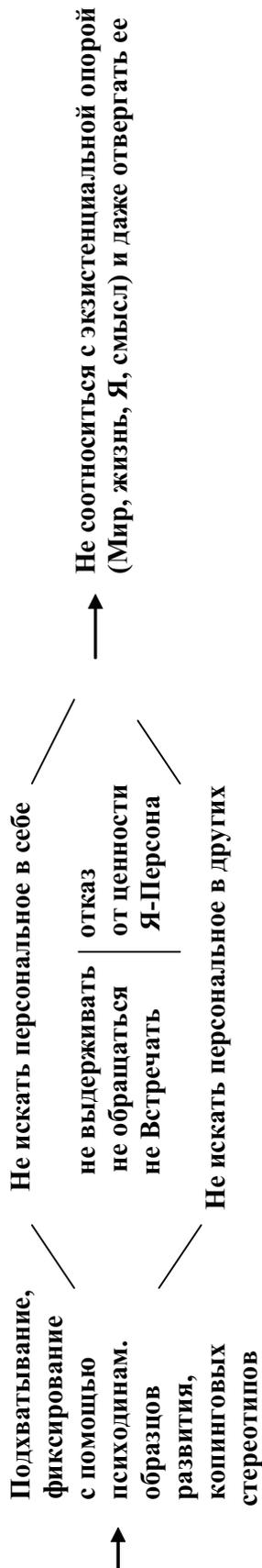

Рис. 2. Динамика, развивающая и удерживающая блокаду переживания при духовной (персональной) депривации

Формирование структуры

Чем в большей степени имеется сопровождающие депривацию фрустрация и травматизация, тем больше в последующем переживании депривируемого присутствуют обделенность, обида, омертвление и боль.

В результате этого взрослый человек или ребенок наталкиваются на выраженное чувство – «у экзистенции нет опоры». Это приводит к утрате способностей и идентифицирующих элементов Персоны [22], включающих в себя установки, способность к принятию решений, определению правильного. Возникают копинги, страхи, специфические чувства потери себя (зависть, ревность и т.п.). Однако копинговые стратегии и привычные формы активности могут оказаться неэффективными. Появляется чувство: «Я не знаю, кто я». Это переживание хорошо описано и может иметь много нарицательных имен: «Раскольников», «гадкий утенок», «мистер X» из оперетты Кальмана и др. Мистер X не получил любви, признания, был отвергнут, страдал и утратил чувство идентичности. От этого он не мог показать свое лицо себе и другим, утратил ценность своего «Я». Он пел:

Цветы роняют лепестки на песок...
 Никто не знает, как мой путь одинок...
 Всю жизнь без ласки, боль в душе затая.
 Всегда быть в маске – судьба моя.

Мистера X спасла любовь. Но в жизни это происходит далеко не всегда.

В подобных ситуациях грусть встречается часто в неразвернутой заблокированной форме, в виде «внутреннего плача». Понятие «внутренний плач» мы применяем для случаев, в которых мы интуитивно угадываем в пациенте «плачущего мальчика» или «плачущую девочку». При этом реально эти люди могут никогда не плакать. У них часто возникает непонимание: «Почему со мной так обходятся? Почему я должен страдать? Почему страдание продолжается так долго и даже уже без родителей?» Возникает непонимание самых различных обстоятельств, связанных с переживаемой депривацией. Но ответа на эти вопросы получить не удастся.

На этапе формирования структуры закрепляется деформация переживания

На этапе формирования структуры эти переживания еще и еще раз могут подхватываться и фиксироваться с помощью психодинамических образцов развития и копинговых стратегий. Психодинамика с помощью аффективных и когнитивных механизмов склеивает и закручивает фрагменты переживания в кольца многократных повторений подобно центрифуге стиральной машины, склеивающей стирающееся в ней белье. Так усиливается паралич переживания. Это в свою очередь может привести к отказу от ценности «Я», отказу от поиска персонального в себе и других. Результатом может быть то, что ребенок (а в последующем и взрослый) не соотносится с экзистенциальной опорой (Мир, жизнь, Я сам, будущее) и даже отвергает ее. Отвержение извне переходит в отвержение изнутри.

Если мы посмотрим на духовную депривацию с позиций экзистенциально-аналитической концепции травмы [23], то увидим, что в случаях выраженной травматизации возникают препятствия для формирования целостности (что важно в аспекте развития), но также и разрушение ее. Известно, что чем раньше возникает депривация, тем более выраженные последствия она оставляет [24].

«Травма, которая всегда с тобой»

Благодаря длительной повторяющейся травматизации травма имеет глубокий и мучительный характер. Это «травма, которая всегда с тобой». Она напоминает страдания Прометея, раны которого не успевают заживать.

Депривация может оказывать выраженное воздействие на переживание через его психические составляющие. Она деформирует чувства и мышление. Противоречивые чувства (в виде любви и ненависти к одному и тому же близкому человеку, обиды и боязни обидеть), оказывают воздействие на переживание подобно разрывной пуле. Аффекты или аффективное, зафиксированное, комментирующее мышление, сочетающееся с неразвитыми чувствами, создают аффективные, когнитивные и аффективно-когнитивные потоки, которые поддерживают разрушение, парализуют и опустошают переживание, вызывают когнитивный диссонанс с другими проявлениями расщепления (вплоть до множественной личности). Этот эффект многократно воспроизводится в результате внешней и внутренней ретравматизации. Извне отмечается сенсбилизация к определенным травмирующим ситуациям. Изнутри отмечается травмирующее и запускающее воздействие самого переживания в связи даже с небольшими нагрузками (при выраженных расстройствах личности).

В некоторых случаях эти сбой переживания представляют собой привычный автоматизм, который не позволяет пациенту войти в желанный мир свободного субъективного переживания. Все происходит только так, а не иначе. Это может быть непонятно и приводить к переживанию расщепленности и беспомощности в различных ситуациях: «Как создать семью, если не испытываю чувств и сексопатологи не помогают» (вопрос мужчины 35 лет, занимающегося теоретической физикой); «Как не назвать мужа тупорылым козлом, если он напился» (вопрос пациентки с пограничным расстройством личности, не справляющейся со своими импульсами и желающей сохранить отношения) и т.д.

Благодаря формированию вышеописанной структуры переживания могут развиваться и удерживаться отрицательные последствия духовной депривации. С нашей точки зрения, именно они определяют такие характеристики приобретенных (как впрочем и врожденных) личностных расстройств, как тяжесть, выраженность дезадаптации, степень декомпенсации, степень личностной и социальной дезинтеграции (МКБ 10 [25]). Личностные структуры приносят в переживание собственные темы и механизмы. На фоне вышеописанной динамики разворачиваются специфические симптомы и способы переработки, характерные для различных расстройств личности. В индивидуальных случаях отдельные элементы этого переживания могут иметь различную степень выраженности.

Рассмотрение вышеописанной динамики переживания и выделение ее этапов имеет смысл не только для теории, но и для практической работы. Мы можем использовать ее в качестве мишеней психотерапии.

Для исследования последствий духовной депривации попробуем уточнить некоторые основные понятия современного экзистенциального анализа, используя концепцию А. Лэнгле.

Основные понятия

Понятия
современного
экзистенциального
анализа для
изучения проблемы
духовной
депривации

Современный экзистенциальный анализ представляет собственные понятия, необходимые для изучения проблемы духовной депривации:

Персона (Person) – свободное в человеке (В. Франкл), центр духовного измерения.

Персональность – соответствие своей глубокой сущности; способность экзистировать; способность к установлению ответственных отношений с собой и окружающим Миром на основе свободного аутентичного переживания; комплекс духовных способностей и форм

активности, открывающих доступ к фундаментальным условиям экзистенции.

Аперсональность – несоответствие своей глубокой духовной сущности; недостаточное раскрытие своих духовных способностей; заблокированная способность к установлению ответственных отношений с собой и окружающим Миром; невнесение собственной сущности в свою жизнь.

Персональное поведение – поведение, учитывающее собственную духовную сущность и духовную сущность других людей; поведение, у которого есть рулевой – Персона.

Аперсональное поведение – поведение, не учитывающее собственную духовную сущность и духовную сущность других людей.

Персональное развитие – раскрытие духовных способностей и форм активности, ведущее к экзистенции в виде установления ответственных отношений с собой и окружающим Миром на основе внутреннего СОГЛАСИЯ (ДА – Миру; ДА – Жизни; ДА – Себе; ДА – Смыслу).

Учитывая разработанность антропологических представлений в современном экзистенциальном анализе, мы можем рассматривать их как определенный ресурс при изучении духовной депривации и механизмов симптомообразования. Наметившаяся в МКБ 10 тенденция к предпочтению статистических принципов при формировании клинической классификации болезней заставляет нас обратить внимание на значении соотношения антропологического и клинического подходов в диагностике.

О соотношении антропологического и клинического подходов в определении последствий духовной депривации

Антропологический и клинический подходы дополняют друг друга

Характерным для современного экзистенциального анализа является сочетание антропологического и клинического подходов к диагностике. Параллельно с определением симптомов в процессе феноменологического анализа конкретного случая происходит исследование антропологических характеристик и механизмов симптомообразования. Благодаря этому в диагностике удастся сочетать понимание сущности исследуемого феномена (в его субъективности, изменчивости, динамичности) с его категориальными характеристиками (в их объективности, статичности, сродстве с другими подобного рода). Такой подход представляет собой практическое воплощение представлений Л. Бинсвангера, выделявшего описательную и объяснительную феноменологию [26]. Он считал, что оба этих подхода должны дополнять друг друга. Именно такое

сочетание и дополнение он пытался продемонстрировать в собственных теоретических исследованиях и практической работе. Однако первым примером подобного рода мы считаем классическое описание З. Фрейдом случая лечения истерии, в котором он впервые представляет наряду с клинической симптоматикой научно-антропологическое объяснение истерии и основанный на нем подход к терапии (случай Анны О.).

Развитие антропологических представлений всегда было важным ресурсом в создании концепции экзистенциального анализа. Оно также представляет собой важный ресурс практической работы, поскольку позволяет раскрывать механизмы формирования блокад переживания и симптомов.

Основываясь на этих соображениях, нам приходится рассматривать и возможные последствия духовной депривации. Для того чтобы это сделать, нам следует обратиться к тем рамкам, в которых существуют антропологические представления современного экзистенциального анализа. Картина человека включает в себя не только его пребывание в трехмерном пространстве (тело, психика, духовность) с антропологическими условиями в виде самодистанцирования (СД) и самотрансценденции (СТ) (как это было у В. Франкла). Антропологические представления современного экзистенциального анализа включают в себя также кроме ценностей и «воли к смыслу» различные структурно-процессуальные характеристики переживания, обеспечивающие его способность приводить человека к «согласию» с Миром, жизнью, собой, будущим. Эта область экзистенциально-аналитической антропологии раскрывается в концепции четырех фундаментальных мотиваций экзистенции и методе Персонального анализа, описывающем процесс принятия свободного и ответственного решения, включающего человека в диалогический взаимообмен с Миром (экзистенциальный поворот). Сфера компетентности психологии с точки зрения современного экзистенциального анализа также фокусируется на изучении различных характеристик переживания.

Антропологическая диагностика предполагает определение уровня блокад переживания, блокад различных форм духовной активности, имеющих преходящий, динамичный либо стойкий, структурный характер. При этом характер блокады, имеющиеся защитные механизмы, обусловившие возникновение и удерживание проблем и симптомов, обладают ценностью, поскольку не только дают объяснение, но и указывают на способ обхождения с имеющейся проблемой либо симптомом.

Рис. 3. Источники формирования духовности

Одним из важнейших принципов современного подхода к проблеме духовной депривации, с нашей точки зрения, является признание ее комплексного воздействия на человека (ребенка) и комплексного характера ее последствий. Попытаемся раскрыть эту комплексность, основываясь на концепции современного экзистенциального анализа (рис. 3).

Определение духовной депривации

Духовная депривация – лишение источников духовного развития

Из представленных на рис. 3 данных мы видим, что источниками формирования духовности являются не только непосредственные отношения с близкими людьми, но также и природа, культура и искусство, религия, различные микро- и макросоциальные факторы. Мы можем испытывать духовный голод, когда не имеем возможности послушать любимую музыку либо побывать в местах, где родились, если не проживали собственные ценности. Мы предлагаем использовать понятие *«духовная депривация»* в более широком смысле – как лишение источников духовного развития, а *«персональная депривация»* – как лишение непосредственной Встречи с близкими и значимыми людьми. При этом мы можем понимать условность такого разделения из-за того, что Персона (Person) – центр духовного измерения.

На рис. 4 представлены структура и функции «Я». Результатом духовной депривации может быть несформированность либо утрата этих функций. Рисунок демонстрирует не только многообразие функций «Я», но и многообразие возможных последствий при их утрате.

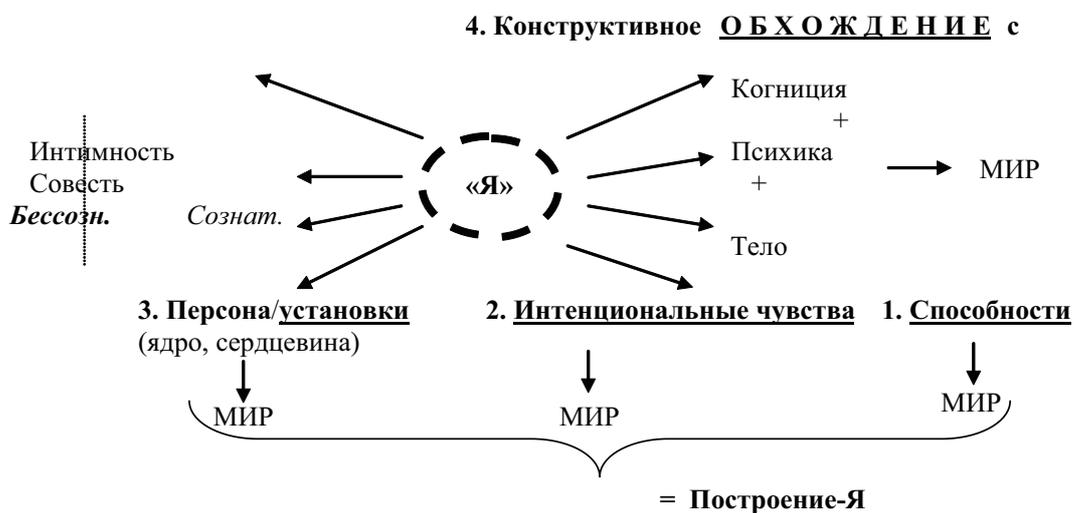
Для нашего духовного «Я» речь идет о том, чтобы встречать Мир со своими способностями, чувствами, установками, но также и обходиться с переживанием и в более широком антропологическом аспекте – с психикой и телом, с витальностью и физической кондицией.

Мы можем видеть, что в результате духовной (персональной) депривации «Я» может потерять способность к формированию структуры в связи с Миром и с собой в антропологическом аспекте и аспекте переживания. Основываясь на этих представлениях, мы можем дать развернутое сущностное определение духовной (персональной) депривации в самом широком антропологическом плане:

В самом широком плане духовная (персональная) депривация – это лишение или ограничение возможностей персональной Встречи, которое может привести как к несформированности структурно-процессуальных характеристик переживания, так и к более широким антропологическим последствиям в рамках здоровья или болезни.

Широта этих последствий обусловлена важной ролью духовного измерения в обеспечении телесно-психической целостности, а также в организации поведения и взаимодействия с социумом.

Построение-Я (на базе структуры-Я):

У «Я» имеется изображенная выше **СТРУКТУРА**: самовосприятие – воздать себе должное – занятие позиции по отношению к себе и к Миру.

Рис. 4. Структура и функции «Я» (А. Лэнгле), которые могут быть утрачены в результате персональной депривации

В более узком смысле для педагогики и психологии развития важны последствия персональной депривации в виде нарушений формирования духовно-психической сферы ребенка, затрудняющие доступ к духовному ядру личности и препятствующие установлению свободных и ответственных отношений с собой и окружающим Миром.

Периодизация духовного развития – основа для разработки методологии воспитания

Структурно-процессуальная основа переживания, предоставляемая концепцией современного экзистенциального анализа для развития методологии воспитания и психолого-педагогической практики.

В приведенных нами данных мы можем обратить внимание также и на особую чувствительность ребенка к недополучению различных форм духовной активности в диалоге со взрослыми в различные периоды жизни. Этот дефицит может приводить к несформированности структурно-динамических характеристик переживания и оставить в нем глубокий след.

Возрастная периодизация формирования духовной личности	Формы духовной активности	Уровни структуры и процесса
До 7 лет → 15–20 лет	Принятие данностей Мира. Создание защиты, пространства, опоры	1 ФМ; ПЭА-0, ПЭА-1
7 лет – 13–15 → 30–35 лет	Близость, чувствование. Отношения, взаимообмен с Миром	2 ФМ; ПЭА-2
13–15 лет – 21 → 45–50 лет	Отграничение собственного. Уважение, справедливость, признание самооценности	3 ФМ; ПЭА-3
На протяжении всей жизни → после 50 лет	Нахождение смысла. Действие и включение во взаимосвязи	4 ФМ; ПЭА-4

ФМ – фундаментальные мотивации экзистенции.

ПЭА – персональный экзистенциальный анализ и его шаги (0, 1, 2, 3, 4)

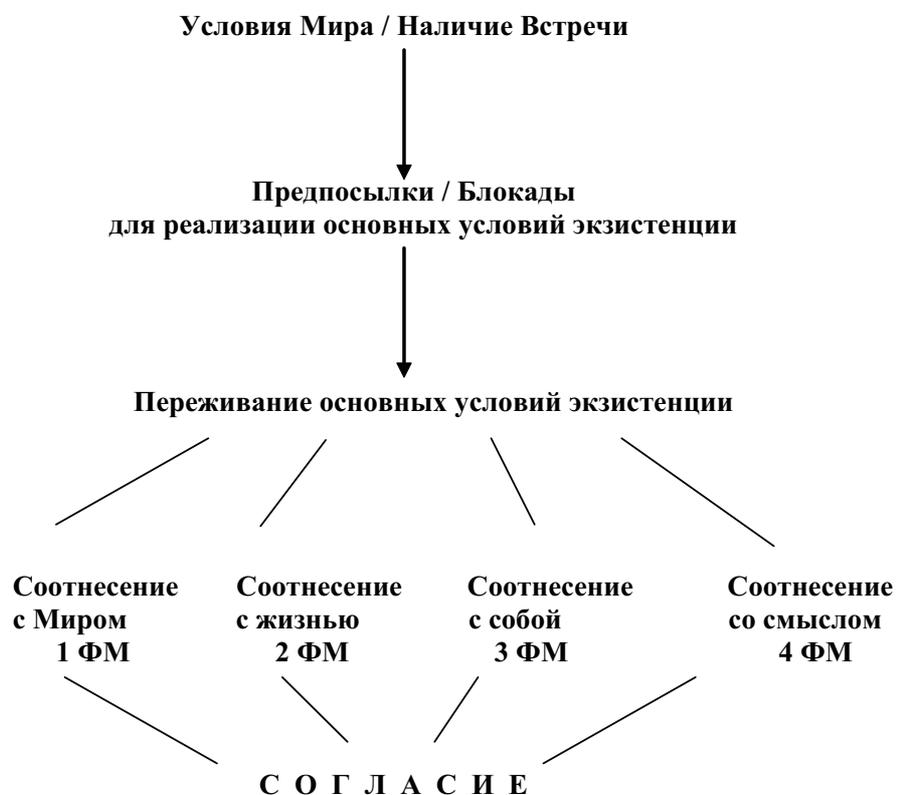
Предлагаемая периодизация духовного развития, соответствующие ей уровни ФМ экзистенции и шаги ПЭА являются тем масштабом, в котором можно рассматривать этапы формирования духовной личности и связанную с этими этапами методологию психолого-педагогической развивающей и коррекционной работы.

Духовная депривация блокирует формирование свободного переживания

Последствия духовной (персональной) депривации

Последствия духовной (персональной) депривации для переживания представлены на рис. 5.

Мы видим, что духовная и персональная депривация могут блокировать экзистенциальный поворот и препятствовать достижению внутреннего СОГЛАСИЯ. Это понятие и феноменологически определяемое переживание является центральным в антропологическом исследовании проблемы духовной (персональной) депривации. Оно в современной антропологии экзистенциального анализа представляет собой точку, в которой сходятся остальные антропологические представления.

ФМ – фундаментальные мотивации экзистенции [27].

Рис. 5. Возможные последствия духовной и персональной депривации для переживания

Заблокированная способность переживания внутреннего согласия в связи с различными экзистенциальными содержаниями переживания может приводить к развитию различных форм патологии (рис. 6), психопатогенез которых подробно разработан в современном экзистенциальном анализе.

Духовная депривация делает непостижимым «Согласие»

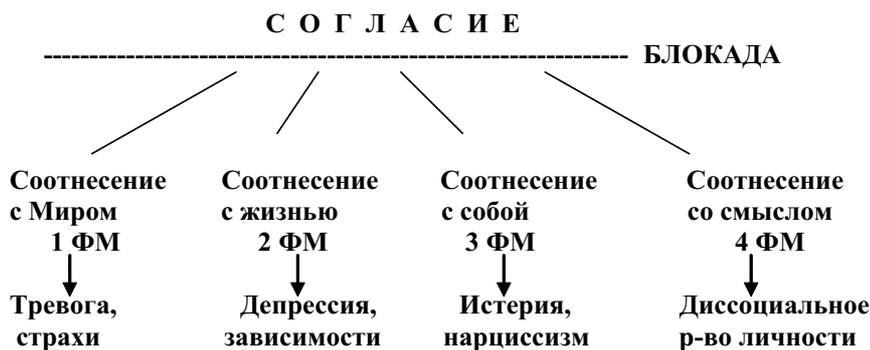

Рис. 6. Некоторые из возможных клинических последствий духовной и персональной депривации, блокирующей способность переживать СОГЛАСИЕ

Последствия депривации определяются различными факторами

Крайние альтернативы последствий духовной депривации – персональное развитие и аперсональное формирование личности

Персональное развитие – развитие духовности

Основными факторами, определяющими последствия духовной депривации, являются: сама депривация и ее характеристики, внутренние антропологические предпосылки (наследственность, способности, телесность) и внешние условия в виде источников духовного развития (рис. 7).

Персональная депривация представляет собой угрозу для формирования фундаментальных условий экзистенции и структурно-процессуальных характеристик переживания. Она может приводить к дефициту духовно-персональных способностей и разрушению переживания. В качестве альтернативных последствий мы можем наблюдать компенсаторное и гиперкомпенсаторное персональное развитие (пример № 1), либо аперсональное формирование личности (АФЛ) (пример № 2). Конкретные примеры этих двух динамик личности представлены в начале публикации. В случае персонального развития человек пришел к Богу, при АФЛ – в криминал. Следует отметить, что некоторый уровень травматизации может инициировать более активное персональное развитие (как это было, например, у В. Франкла).

Персональное развитие является предметом особой заботы ЭА. Его примеров достаточно много не только в жизни известных писателей, героев литературы, исторических персонажей, но и среди наших близких, пациентов и нас самих – участников образовательных программ “GLE-international”. Как говорил В. М. Шукшин: «За человека нужно честно бороться до конца». Для меня эта фраза перекликается с профессиональной позицией А. Лэнгле.

Аперсональное формирование личности происходит за счет психодинамических структур

Аперсональное формирование личности – это антропологическое понятие, обозначающее личностную динамику, в которой недостаточную роль играет духовно-персональное измерение. Эта динамика создает в основном психодинамические структуры (жизнь без согласия) и может приводить к более или менее осознанному отказу от персональности.

Главным критерием аперсонального формирования личности является не клиническая симптоматика, а сила и способности Персоны (ее ресурсные характеристики), которые могут иметь различные степени и формы выражения как в норме, так и при различных видах патологии. Антропологическое ядро аперсонального формирования личности – 3 ФМ (этические способности). В то же время состояние этических способностей является одним из факторов, отражающих степень личностного расстройства.

Мы можем выделить две формы аперсонального формирования личности, отличающиеся по преобладающей направленности переживания и поведения формируемой личностной predisпозицией: аперсональное обхождение с собой (в крайних проявлениях – у неуве-

Последствия персональной депривации

Рис. 7. Взаимосвязь факторов и условий предопределяющих последствия персональной депривации для переживания

ФМ – фундаментальные мотивации экзистенции.
 П – Персона (Person). Преход. – сокр. «преходящие».

ренных, обсессивных и депрессивных личностей) и аперсональное обхождение с другими (в крайних проявлениях – при нарциссизме, истерической структуре, *borderline* у антисоциальных личностей).

Предлагаем использовать это понятие в отличие от клинического понятия «развитие» (ипохондрическое развитие, психосоматическое развитие, невротическое развитие и т.д.), которые развитием, по сути, не являются. Чаще нам приходится сталкиваться с феноменом аперсонального формирования личности в случаях неклинических.

Аперсональное поведение и жизнь без согласия могут возникать не только при прямой этической несостоятельности (3 ФМ), но также и вторично, в результате блокады других форм духовной активности. Мы можем сталкиваться с заблокированными этическими способностями в результате проблем с восприятием данностей (1 ФМ), в результате блокад переживания ценностей (2 ФМ) или чувствования контекста (4 ФМ).

В приведенном нами ранее примере (пример 2) аперсональное формирование личности привело к закреплению в личностной структуре цинизма, необоснованной жестокости, к утрате способности учитывать свою духовную сущность, а также духовную сущность и ценность других людей. Это произошло в результате возникновения стойкой блокады переживания.

Особенности диагностики (верификации) духовной (персональной) депривации

Диагностика последствий духовной депривации основана на понимающих феноменологических принципах

Основываясь на концепции современного экзистенциального анализа и на своем опыте, мы можем сформулировать принципы диагностики (верификации) духовной депривации следующим образом:

1 – обнаружение недостаточности и стойких блокад различных форм духовной активности, лежащих в основе волнующих тем, проблем, неспособностей;

2 – установление их связи с характером детско-родительских отношений либо других значимых отношений, в которых отмечалось лишение или недополучение необходимых для духовного развития условий с помощью биографического экзистенциального анализа;

3 – обнаружение характерной феноменологической картины и динамики переживания.

Вышеперечисленные подходы позволяют верифицировать духовную депривацию даже в случаях, когда она не приводит к выраженному страданию.

Верификация носит антропологический, а не клинический характер. Она основана на понимающих,

феноменологических принципах и методе биографического экзистенциального анализа [29].

Клинический уровень последствий духовной депривации может соответствовать следующим шифрам МКБ 10: ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство) (F43.1) и расстройства адаптации (F43.2). Также и другие невротические расстройства (F48).

Стойкие изменения личности, не связанные с повреждением или заболеванием головного мозга, как последствия ПТСР (соответствует шифру F.62.0).

При отчетливо выраженных специфических расстройствах личности используются соответствующие им шифры МКБ 10.

В тех случаях, когда при наличии специфического расстройства личности имеются четкие данные о перенесенном в прошлом посттравматическом стрессовом расстройстве, рекомендуется использовать, дополнительный шифр F.62.0, как указание на важность работы с перенесенной травмой.

Возможно использование шифра F.62.8 (другие стойкие изменения личности).

Приведенные нами феноменологические наблюдения и антропологические данные позволяют отметить особенности и некоторые общие принципы помощи при духовной депривации и ее последствиях.

Особенности и общие принципы помощи при духовной (персональной) депривации и ее последствиях

Оказание помощи при последствиях духовной депривации зачастую требует терапевтических отношений

1. Помощь при духовной (персональной) депривации и ее последствиях должна учитывать характер депривации, механизмы ее воздействия, феноменологическую картину переживания и этапы ее формирования, антропологические основания, динамику последствий и механизмы их удержания, ресурсы и духовные способности личности. Исследование феноменологической картины переживания и биографический экзистенциальный анализ, как правило, позволяют раскрыть эти характеристики.

2. Независимо от выраженности последствий требуется терапевтический характер отношений при оказании помощи. Это связано с тем, что, как правило, речь идет о глубокой задетости, о структурных нарушениях и об очень интимных сторонах жизни.

3. Работа с последствиями духовной депривации может включать по показаниям также специальные подходы экзистенциального анализа, используемые в психотерапии различных личностных расстройств.

4. Динамика терапевтической работы как и при работе с патологией включает в себя следующие этапы: формирование отношений – разгрузка от актуальных переживаний – работа с блокирующими структурами – работа с биографией – работа с переживанием.

5. Работе с биографией необходимо уделить достаточное количество времени, сопровождая пациента в переживании агрессии и грусти.

6. В случаях аперсонального формирования личности необходим более длительный период формирования доверительных отношений и на последующих этапах – занятие позиции в отношении собственной персональности и тренировка в персональном поведении.

7. Терапевтическая работа может включать в себя развитие составляющих переживания (мышления и чувств). Для этого в каждой сессии должно отводиться специальное время. Это связано с тем, что родительская духовная депривация может блокировать их развитие или разрушать уже сформировавшееся переживание.

8. Конечной точкой схода в терапии травмы, обусловленной родительской ПД, является «СОГЛАСИЕ» (Миру, жизни, себе, будущему). В случаях аперсонального формирования личности центральную роль играет «СОГЛАСИЕ» в отношении бытия самим собой. Оно обычно является альтернативой биографическому «согласию» в отношении того, что говорили и делали родители: «Ты ничего не можешь» (1 ФМ); «Ты хуже всех» (2 ФМ); «Мы лучше знаем, что тебе нужно» (3 ФМ) или «Можешь все» (1 ФМ); «У тебя может быть только хорошее» (2 ФМ); «Ты самый умный и уникальный, исключительный, на все имеешь право» (3 ФМ).

9. Помощь при последствиях духовной депривации требует не только способности к Встрече, но и специальной компетентности в антропологии и методологии современного экзистенциального анализа.

Таким образом, несмотря на частый доклинический уровень последствий духовной депривации, при оказании помощи требуется серьезная и длительная работа терапевтического характера. Это связано с глубиной и выраженностью последствий, имеющих, как правило, структурный характер.

Это положение представляется для меня очень важным, так как оно делает видимой непростую проблему воспитания и специальной подготовки педагогов и педагогических психологов. Оно означает, что хороший педагог и в особенности педагог, работающий с трудными и страдающими детьми и подростками, дол-

Последствия
духовной
депривации –
феномен,
встречающийся
в работе широкого
круга специалистов

жен получать основательную подготовку с элементами психотерапии.

Проведенное нами исследование позволяет сделать некоторые **общие выводы:**

1. Духовная (персональная) депривация вызывает комплексное страдание и феноменологическую картину переживания, имеющую характерную динамику.

2. Выраженная и длительная духовная (персональная) депривация может приводить не только к блокам отдельных духовно-персональных форм активности, но и к стойким структурным нарушениям процесса переживания, создающим препятствия для духовно-персонального развития и проявляющимся как клинически, так и не на клиническом уровне.

3. Последствия духовной (персональной) депривации обусловлены комплексом факторов, включающих в себя следующие: характеристики депривации; собственные антропологические предпосылки и духовно-персональные ресурсы депривируемого; внешние условия, выражающиеся в наличии источников духовного развития. Крайними альтернативами таких последствий являются компенсаторное персональное развитие и аперсональное формирование личности.

4. Даже неклинические последствия духовной депривации требуют оказания помощи, для которой необходима способность к Встрече, а также специальные знания в области антропологии, методологии современного экзистенциального анализа и навыки практической работы.

5. Наличие специфической причины, характерной экзистенциальной динамики и психодинамики (психопатогенеза), узнаваемой феноменологической картины, особенностей терапевтической помощи позволяет нам говорить о «последствиях духовной (персональной) депривации», как о самостоятельном клинико-психологическом феномене, встречающемся в работе широкого круга специалистов (психологов, педагогов, социальных работников, организационных психологов, психотерапевтов).

6. Образовательная подготовка педагогов, детских психологов, социальных работников должна в обязательном порядке включать в себя теоретические основы и практические навыки психотерапии.

7. Использование феноменологического подхода может способствовать стиранию граней между различными системами научного знания. Психологов, педагогов, психотерапевтов и психиатров объединяет желание лучше понять сущность наблюдаемых феноменов человеческих переживаний.

Проведенное исследование не является строго научным. Оно является скорее феноменологическим и антропологическим. Тем не менее оно может быть использовано как определенные рамки, в которых могут проводиться дальнейшие исследования феноменологического и научного характера.

Наше исследование показало некоторые возможности и перспективы, которые современный экзистенциальный анализ может предоставить для изучения проблемы духовной депривации. Оно позволяет отметить значение концепции современного экзистенциального анализа как дополнения теории и практики воспитания. Одновременно оно позволяет взглянуть на проблему духовной депривации как на одну из центральных проблем психотерапии.

1. Боулби Дж. Привязанность. – М., 2003; Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. – М., 2004; Bowlby J. Maternal Care and Mental Health. – Geneva, 1951; Bowlby J. Attachment and loss: Separation: anxiety and anger. – N. Y., 1973. – Vol. 2.
2. Лангмейер И., Матейчек Э. Психическая депривация в детском возрасте. – Прага, 1984.
3. Монтессори М. Дом ребенка. Метод научной педагогики. – Гомель, 1993.
4. Spits R. Hospitalism: A follow-up report on investigation // Psychoanalytic study of the child. – 1945. – V. 12.
5. Шелованов Н. М., Аскарина Н. М. Воспитание детей раннего возраста в детских учреждениях. – М., 1955.
6. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – М., 1968.
7. Выготский Л. С. Принципы социального воспитания глухонемых детей // Собр. соч.: В 6 т. – Т. 5. – М., 1983; Выготский Л. С. Основы дефектологии. – СПб., 2003; Выготский Л. С. Психология развития человека. – М., 2005.
8. Мухина В. С. Психологическая помощь детям, воспитывающимся в учреждениях интернатного типа // Вопросы психологии. – 1989. – № 1.
9. Чупрова М. А. Нарушение интерперсональных отношений и эмоционального развития у детей-сирот без опыта жизни в семье: Автореферат дис. ... канд. психол. наук. – М., 2007.
10. Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психология сиротства. – СПб., 2005.
11. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа. – СПб., 1995.

12. Блейхер В. В., Крук И. В. Толковый словарь психиатрических терминов. – Воронеж, 1995.
13. Фурманов И. А., Фурманова Н. В. Психология депривированного ребенка. – М., 2004.
14. Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Анормальная психология. – 11-е изд. – М.; СПб., 2004.
15. Лэнгле А. Экзистенциальный анализ – найти согласие с жизнью // Московский психотерапевтический журнал. – 2001. – № 1. – С. 5–23.
16. Классификация болезней в психиатрии и наркологии: Пособие для врачей / Под ред. М. М. Милевского. – М., 2003.
17. Толстой Л. Н. Война и мир. – Т. III–IV. – С. 540–541.
18. Франкл В. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере. – М., 2004.
19. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа. – СПб., 1995.
20. Langle A. Verstandnis und Therapie der Psychodynamik in der Existenzanalyse // Existenzanalyse. – 15. – 1/98.
21. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. – М., 2004; Лангмейер И., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте. – Прага, 1984.
22. Лэнгле А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности. – М., 2005.
23. Лэнгле А. Травма и смысл против утраты человеческого достоинства // С собой и без себя. Практика экзистенциально-аналитической психотерапии. – М., 2009.
24. Боулби Дж. Привязанность. – М., 2003; Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. – М., 2004; Лангмейер И., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте. – Прага, 1984.
25. Классификация болезней в психиатрии и наркологии: Пособие для врачей / Под ред. М. М. Милевского. – М., 2003.
26. Тихонравов Ю. В. Экзистенциальная психология. – М., 1998.
27. Лэнгле А. Фундаментальные мотивации человеческой экзистенции как действенная структура экзистенциально-аналитической терапии // Психотерапия. – М., 2004.
28. Там же.
29. Langle A. Die biographische Vorgangsweise in der Personalen Existenzanalyse // Kolbe Ch. (Hrag.): Biographie. Verstandnis und Methodik biographischer Arbeit in der Existenzanalyse. – Wien, 1992.

